

Р. Б. КАЗАКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ XIX В. Н. М. КАРАМЗИН КАК ИСТОРИОПИСАТЕЛЬ

В статье анализируются элементы историографического исследования в сочинениях Н.М. Карамзина (1766–1826), а также его представления о практиках историописания, приемах изучения источников и построения исторических трудов, в частности «Истории государства Российского».

Ключевые слова: *Н.М. Карамзин, О.М. Медушевская, историография, история исторической науки, источниковедение, «История государства Российского».*

В работах, посвященных анализу и осмыслению научного творчества Ольги Михайловны Медушевской, до сих пор недостаточно говорилось о ней как об историке источниковедения XIX–XX вв. Об этом не было сказано в материалах конференции, посвященной ее памяти¹, не выделялся специально сюжет о проблематике истории источниковедения в исследованиях Ольги Михайловны в некоторых статьях, анализировавших ее путь в науке². Во время обсуждения книги Медушевской в журнале «Российская история» С.С. Минц отметила, что «в “Теории и методологии когнитивной истории” содержится достаточно полная картина истории источниковедения. В ней подчеркивается роль европейского опыта (немецкого, французского, английского и итальянского) в становлении науки о методе истории»³. О.М. Медушевская – автор нескольких учебных пособий и многих статей, посвященных истории развития источниковедения в России и за рубежом. Хронологический охват этих работ широк: вторая половина XIX – и практически начало XXI века. В наиболее высокой степени концептуализации исследования по истории источниковедения представлены в учебных пособиях Ольги Михайловны и учебном пособии 1998 г.⁴ О.М. Медушевская была автором разделов теории и истории источниковедения в программах университетского курса «Источниковедение». Она же разработала теоретические разделы в программах курсов вспомогательных исторических дисциплин⁵. Пожалуй, в этих работах ярко проявилась одна из ее иссле-

¹ Вспомогательные исторические дисциплины... 2008; Казаков, Румянцева 2009.

² Казаков, Румянцева. 2009; 2010; 2011.

³ Минц. 2010. С. 139.

⁴ Медушевская О.М. 1979; 1985; 1988; 1990; 1998, с. 35-121 (2000, 2004); 2001.

⁵ Вспомогательные исторические дисциплины... 2004.

довательских стратегий – исследования в области теории и методологии истории, источниковедения, исторической географии, комплекса вспомогательных исторических дисциплин у нее неразрывно связаны с историей этих отраслей гуманитарного знания.

В работах О.М. Медушевской мы не найдем сюжетов, специально посвященных истории источниковедения в России в XVIII – первой половины XIX в. Однажды в беседе с Е.И. Каменцевой и О.М. Медушевской я услышал от них о скептическом отношении А.И. Андреева, заведовавшего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, к задумке недолго работавшей на кафедре О.А. Яковлевой подготовить докторскую диссертацию, посвященную анализу Примечаний к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. А.И. Андреев не находил эту проблему заслуживающей докторского исследования. С тех пор прошло более шестидесяти лет, и история источниковедения пополнилась многими серьезными трудами, написанными преподавателями кафедры вспомогательных исторических дисциплин, как помнившими А.И. Андреева (также автора трудов по истории источниковедения), так и пришедшими на кафедру в последующие десятилетия.

Так получилось, что мне не раз приходилось говорить об истории источниковедения, в частности о приемах работы с источниками Н.М. Карамзина, в присутствии Ольги Михайловны, представлять такие доклады на конференциях, а одно из вступлений прямо вытекало из положений программного доклада О.М. Медушевской «Методология истории как строгой науки»⁶. Здесь я предполагаю прояснить некоторые историографические контексты устных замечаний А.И. Андреева и выявить элементы историографических наблюдений в трудах Карамзина.

Особенности «карамзинской» советской историографии 1940-х – начала 1960-х гг. Предпосылки изучения творчества Н.М. Карамзина можно увидеть уже в его собственных отзывах о своем творчестве. В статье для журнала «Le Spectateur du Nord» «Несколько слов о русской литературе» (1797) Карамзин изложил, по словам Ю.М. Лотмана, «всю историю русской литературы, увиденную в перспективе идей автора “Писем русского путешественника”»⁷. В презентации своих «Писем русского путешественника» Карамзин охарактеризовал себя в первую очередь как человека, интересующегося прошлым. Даже повседневность путешественника по Европе конца XVIII в. интерпретировалась

⁶ Медушевская. 1999; Казаков. 1999.

⁷ Карамзин. 1984. С. 678.

им как следование славным традициям прошлого: «Все возбуждало его любопытство: достопримечательности городов, оттенки, отличающие манеру жизни их обитателей, памятники, напоминавшие ему какие-либо исторические события, какие-либо славные происшествия, следы великих людей, уже усопших, приятные ландшафты, зрелище плодородных полей и вид огромного моря. Порой он посещает старый замок, покинутый и в развалинах, чтобы там помечтать в свое удовольствие, теряясь мечтами во тьме прошедших времен; порой он является на пороге знаменитого автора, не имея другой рекомендации, кроме своего восторга перед его творениями. И почти всегда он принят хорошо. Но иногда он испытывал и маленькие неприятности. Кант, Николаи, Рамлер, Мориц, Гердер его принимают с дружелюбием и сердечностью, его очаровавшей. Тогда ему казалось, что он перенесен во времена древности, когда философы отправлялись увидеть себе подобных в страны самые отдаленные и находили везде хозяев гостеприимных и друзей искренних». В то же время в этих автохарактеристиках Карамзин брал на себя немалую ответственность как автор «прозаического произведения, вызвавшего в России некоторую сенсацию», и заявлял о себе как об исследователе, предлагая читателям гамбургского журнала, выходившего по-французски, «судить о нашей манере смотреть на вещи, описывать и анализировать произведения словесности»⁸.

Творчество Н.М. Карамзина будет в центре внимания не только историков словесности, но и историков русской исторической науки на протяжении всего XIX и начала XX в. XIX век даст основной корпус публикаций сочинений и писем Карамзина, а также воспоминаний о нем. В советской историографии (до юбилейного для Карамзина 1991 г.) за ним прочно укрепилась характеристика представителя консервативного течения дворянского направления в исторической науке, «защищавшего интересы дворянско-помещичьего класса». Эти разные по форме, но одинаковые по содержанию формулировки, став штампом (иногда писали: «представитель реакционного течения...»), повторялись вплоть до 1990-х гг.⁹ В обобщающих трудах по историографии русской истории наиболее взвешенную оценку Карамзину дал Н.Л. Рубинштейн, посвятивший специальный параграф «“История” и ее источники» приемам работы с источниками в «Истории государства Российского»¹⁰. Работы последующего времени повторяли однобокие и пристрастные суждения о

⁸ Карамзин. 1984. С. 451-452.

⁹ Сборник материалов по истории исторической науки... С. 10.

¹⁰ Рубинштейн. 1941. С. 166-188.

«реакционной» сущности Карамзина, о повторении исторической схемы М.М. Щербатова и буквальном следовании за текстом Щербатова. Мало кто в советской историографии пытался увидеть истоки этих оценок. «Генеалогия по восходящей» уводила от оценок Н.Л. Рубинштейна к П.Н. Милокову, многие выводы «Главных течений русской исторической мысли» (1897; 1913; 2002) которого воспроизводил Рубинштейн, и далее – к С.М. Соловьеву¹¹. В 1940-50-е гг. книга Н.Л. Рубинштейна, глава Г.А. Гуковского в академической «Истории русской литературы» и раздел И.К. Додонова в «Очерках истории исторической науки в СССР» в основном и составляли корпус обобщающих исследований монографического характера о Н.М. Карамзине¹².

Отдельное место в историографии занимает масштабное исследование П.Н. Беркова «История русской журналистики XVIII века» (1952) со специальным разделом «Периодические издания Н.М. Карамзина». Детальный анализ обстоятельств издания, структуры и содержания «Московского журнала», альманахов «Аглая» и «Аонида» превратился в очерк русской интеллектуальной культуры конца XVIII – начала XIX в., при этом П.Н. Берков избежал предвзятых, идеологически ангажированных характеристик, что было необычно.

Вторая половина 1950 – начало 1960-х гг. – это время подготовки и начала выхода сочинений великих русских историков В.Н. Татищева, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. «История государства Российского» в те годы не появилась, но, видимо, в контексте повышающегося интереса к истории исторической науки в СССР можно рассматривать диссертации И.А. Кудрявцева (защищенную в МГИИ в 1955 г. под руководством М.Н. Тихомирова, редактировавшего издания сочинений В.Н. Татищева и В.О. Ключевского) и В.И. Федорова (защищенную в том же году в МГПИ)¹³. Отмечу, что в историографии практически не используется принципиально важная для изучения корпуса источников, привлеченных Карамзиным при сочинении «Истории», работа Тихомирова «Синодальное собрание рукописей в “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина», где он идентифицировал несколько рукописей Синодального собрания, использованных историографом, и коротко охарактеризовал его приемы изучения летописных произведений¹⁴. Источники, на которые опирался Карамзин в своей «Истории», до

¹¹ Милоков. 1898. Гл. V: Карамзин и его современники. С. 147-258; Соловьев. 1901.

¹² Гуковский. 1941. С. 55-105; Очерки истории исторической науки... Т. 1.

¹³ Кудрявцев. 1955; Федоров. 1955.

¹⁴ Тихомиров. 1962.

сих пор не идентифицированы полностью, хотя каждый том не завершённого ещё академического издания «Истории государства Российского» сопровождается их аннотированным указателем. Об источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева писалось много в контексте так называемых «татищевских известий», а о корпусе источников, которые использовал М.М. Щербатов, известно очень мало¹⁵.

Положение стало меняться с конца 1950-х гг., преимущественно в сфере литературоведения, после выхода статьи Ю.М. Лотмана об эволюции мировоззрения Карамзина. Вероятно, в науке о русской литературе внимание к творчеству Карамзина не ограничивалось столь жестко идеологическими рамками как в исторической науке. Впрочем, кандидатская диссертация Лотмана, одного из крупнейших исследователей творчества историографа, должна была быть выполнена в традиционной для начала 50-х гг. риторике и жесткой оппозиции «Карамзин – Радищев»¹⁶. С.О. Шмидт однажды предположил, что идеологические препоны, не дававшие историкам двигаться вперед в исследовании исторических сочинений Карамзина, издания «Истории государства Российского», записки «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» и других сочинений, восходили к ангажированным и публицистически заостренным характеристикам из работ В.И. Ленина. Хрестоматийно известные в советское время даже школьникам слова статей «Памяти Герцена» («Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию») и «О национальной гордости великороссов» («Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов») давали канонический корпус имен тех, кто всегда должен был «бороться» и с мировоззрением, и с эстетикой Карамзина¹⁷. Так, предельно резкие характеристики Карамзину давались в эти годы в работах по русской историографии В.И. Астахова¹⁸.

Рубежом в советской историографии творчества Карамзина стал юбилейный 1966 год – двухсотлетие со дня рождения историографа.

¹⁵ Библиография русского летописания... 1962.

¹⁶ Лотман. 1957; 1951.

¹⁷ Ленин // ПСС Т. 21. С. 261; ПСС. Т. 26. С. 107.

¹⁸ Астахов. 1959; 1965.

П.Н. Берков и Г.П. Макогоненко подготовили двухтомник «Избранных сочинений», где кроме «Писем русского путешественника» и повестей публиковались стихи, некоторые статьи и главы из «Истории государства Российского». Двухтомнику была предпослана объемная вступительная статья, а в примечаниях к публикуемым главам «Истории» составители отмечали: «Полное издание многотомной “Истории”, снабженной специальным научным комментарием, дело будущего», и ниже: «...Опущены ценные, но носящие специальный характер, примечания Карамзина»¹⁹. В 1966 г. вышел томик стихотворений Карамзина в серии «Библиотека поэта», подготовленный Лотманом²⁰. Эти издания значили очень много для исследователей творчества Карамзина. Вышедшие в ведущих советских издательствах «Художественная литература» и «Советский писатель», они вводили Карамзина в корпус классиков литературы, признанных и легитимных для советского времени. Положение Карамзина как историка, чье творчество может стать объектом изучения историков исторической науки, в историографии было закреплено диссертацией (1969), а затем и книгой Л.Г. Кислягиной²¹. И хотя в них речь шла о «доисторическом» этапе в жизни Карамзина, тем самым ставилась проблема исследования творчества Карамзина-историка. Особое внимание к «Истории государства Российского», процессу ее создания, приемам работы Карамзина с источниками будет проявлено на следующих этапах развития «карамзинской» историографии – в 1960-80-е гг. и в период с начала 1990-х гг.

В 1940-е — начале 1960-х гг. не появилось ни одного монографического исследования о Н.М. Карамзине, а первая в советское время биография историографа была опубликована на английском языке²².

В «карамзинской» историографии в настоящий момент имеется несколько тысяч исследований, посвященных его творчеству, анализу отдельных аспектов его деятельности и отдельных произведений. Однако и в начале второго десятилетия XXI века приходится констатировать, что Карамзин остается одним из немногих классиков русской литературы и исторической науки, не имеющих академического полного собрания сочинений и научного издания «Истории государства Российского».

И если в историографии отмечается специальный исследовательский интерес Н.М. Карамзина к истории литературы, творчеству лите-

¹⁹ Карамзин. 1964. Т. 2. С. 547-548.

²⁰ Карамзин. 1966.

²¹ Кислягина. 1976.

²² Kochetkova. 1975.

раторов и историописателей прошлого, то возможно ли в трудах Карамзина выделить его наблюдения по истории самой исторической науки?

Н.М. Карамзин как историк исторической науки. Подобная постановка вопроса может показаться надуманной и не имеющей под собой оснований. Началом научной историографии в истории исторической науки в России принято считать труды С.М. Соловьева, особо выделяя 1820-40-е гг. как подготовительный этап или период становления историографии как научной дисциплины. Н.М. Карамзин находится за пределами этого процесса, потому что в эти годы дописывались последние тома «Истории государства Российского», кроме того, считается, что общественно-политические, этические, исторические представления Карамзина к этому времени давно сформировались и неоднократно были проверены жизнью. В литературе также указывалось на важность для становления историографии как научной дисциплины исторических трудов XVIII века, давших необходимый запас наблюдений и первых отрывочных суждений об истории исторической науки²³.

Поставить вопрос именно таким образом позволяет имеющийся корпус историографических источников, в который входят, в первую очередь, поэтические и прозаические сочинения Карамзина, в которых он высказывал свои взгляды на развитие русской литературы и исторической науки. Особое место здесь принадлежит «Письмам русского путешественника», которые все пронизаны историческими ассоциациями и параллелями, содержат рассуждения о том, как надо писать историю и каких авторов следует считать классиками жанра. Публикации «Московского журнала» (1791–1792), в частности, рецензии на иностранные издания и спектакли, могут свидетельствовать о проблематике, которая волновала Карамзина в начале 1790-х гг., и о чем наиболее важно Карамзин старался сообщить своим читателям. В «Историческом похвальном слове Екатерине II» Карамзин, может быть, впервые в систематическом виде излагал свои представления об идеалах просвещенного государства и качествах просвещенного монарха, главная задача которого состояла в обеспечении блага подданных, и характеризовал состояние наук и просвещения в современной ему России.

Полагаю возможным утверждать, что Карамзин-историк начинал формироваться не с момента начала работы над «Историей» и даже не в период европейского путешествия, а гораздо раньше. Его исторические представления складывались уже в первых переводческих опытах 1783 г., когда ему не исполнилось еще и семнадцати лет. Начинающий литератор

²³ Проблемы историзма...; Колесник. 1993; Кочеткова. 1994.

работал с произведениями, посвященными в первую очередь историческим событиям (начиная с идиллии С. Геснера «Деревянная нога» и, возможно, самого первого не дошедшего до нас перевода). И всякий раз это были сочинения, где основной авторский текст сопровождался редкими или многочисленными примечаниями, вводившими авторское повествование в контекст истории. Иначе говоря, свой творческий путь Карамзин начинал с сочинений, так или иначе дававших повествование о прошлом, в которых задавался формат будущих научных трудов: основной текст сопровождается научно-справочным аппаратом к нему и требует от автора и читателя значительных аналитических усилий.

Следующий хронологически комплекс – это произведения времени «Вестника Европы», где Карамзин размышлял о соотношении наук о природе и наук о человеке, совершенствовал приемы исторического исследования, публиковал пространные суждения или короткие замечания о зарубежных авторах и русских историописателях («Пантеон российских авторов»). И для «Московского журнала», и особенно для «Вестника Европы» важно учесть тематику публикуемых материалов, структуру и наполнение разделов, персоналии, которым уделено внимание. Оба журнала создавались и формировались самим Карамзиным, наполнялись в значительной степени его материалами, поэтому могут и в целом рассматриваться как его произведения, в которых содержатся размышления на темы из истории науки в России и оценки, часто беглые, русских и иностранных авторов.

Переписка Карамзина обладает некоторыми особенностями по сравнению с его литературным наследием: в письмах содержатся краткие (в несколько слов) отзывы об исторических трудах, которые Карамзин в это время изучал или хотел получить в руки для изучения, прося о присылке таких книг своих друзей и помощников. Переписка, исследованная целиком, позволяет реконструировать литературные интересы Карамзина, его потребности в исторических источниках и сочинениях по истории. Кроме того, письма к И.И. Дмитриеву и В.М. Карамзину содержат наиболее развернутые и важные свидетельства Карамзина о сочиняемых томах «Истории» – это своеобразная «автоисториография».

Известно не так уж много отзывов Карамзина на труды его современников (отзыв на книгу К.И. Арсеньева по истории древней Греции, возникшую в сложных обстоятельствах и при сложных отношениях, переписку по поводу исследовательских проектов З.Я. Доленги-Ходаковского²⁴, оценки трудов современных Карамзину ученых, например, исто-

²⁴ Казаков. 1994; 2001.

риков И.Ф.Г. Эверса и И.Ф. Круга, историка медицины В.М. Рихтера, высказанных в I и VI томах «Истории государства Российского»), но и они дают интересный материал для представления о Карамзине как историке исторической науки, творившейся на его глазах.

К сожалению, корпус источников по проблеме имеет существенные лакуны: практически не осталось черновиков литературных произведений Карамзина, редакционных материалов его журналов и поэтических альманахов. Известно, что он сам уничтожал свои черновики, многое погибло в пожаре Москвы в 1812 г. Сохранились отдельные черновые и беловые листы «Истории государства Российского», черновики и перебеленная рукопись XII тома. Отмечу, что в распоряжении современного исследователя нет черновиков Примечаний к «Истории государства Российского», за единичными исключениями черновые листы – это текст «Истории». В этой ситуации судить о приемах работы с источниками и этапах создания «Истории» возможно лишь при сравнении черновых листов с изданиями или в редких случаях (XII том) – листов первой и второй черновой рукописи с листами перебеленной рукописи²⁵.

Основным источником для изучения исторических представлений Карамзина становится «История государства Российского». В первые восемь томов, вышедших вторым изданием при жизни историографа, Карамзин внес исправления и дополнения принципиального характера, в том числе и упомянутые характеристики трудов Эверса, Круга, Рихтера и других историков. Исправления и дополнения ко второму изданию, а также пометы историографа на собственном экземпляре второго издания, воспроизведенные позднее, имеют непосредственное отношение к теме: специалистами давно замечено, что нигде в «Истории» Карамзин не дал отдельного историографического очерка с характеристикой трудов предшественников (так, как он сделал это, перечислив в специальном разделе источники российской истории), не полемизировал он и с авторами критических отзывов на «Историю», порою весьма несправедливых. Однако при сравнении текстов двух изданий «Истории» выясняется, что Карамзин чрезвычайно внимательно относился к критике и отвечал на нее самим текстом и Примечаниями своего труда: Карамзин приводил дополнительные данные источников, стараясь усилить свою аргументацию, делал ее более обстоятельной и подробной, иногда менял свои утверждения на предположительные высказывания. Кроме того, в этих дополнениях он использовал новейшие исторические труды и материалы, подготовленные для него друзьями и коллегами. Так появились, например,

²⁵ Казаков. 2002.

сведения по топонимике населенных мест, рек, собранные и сообщенные Карамзину Доленгой-Ходаковским, о чем историограф обязательно упоминал, описание обстоятельств открытия Судебника Ивана III и пр.

В Примечаниях к тексту «Истории» находятся наиболее важные карамзинские характеристики трудов историописателей прошлого. Любопытно, что Карамзин в небольшом по объему примечании умел в нескольких строках дать своеобразный историографический этюд – обзор трудов и мнений историков по тому или иному вопросу, сопроводив их своими оценками. Иногда это совсем короткие упоминания: «Г. Буле весьма удовлетворительно изъяснил надпись сего памятника», «Некоторые Ученые (не говорю уже о Мавро-Урбинах, Раичах и подобных Историках), доказывают» и т. п. Есть и очень точные, краткие и исчерпывающие характеристики: «Таковыми и подобными историческими баснями отличался у нас какой-то Диакон Холопьяго монастыря (дольше существующего при устье реки Мологи), именем Тимофей Каменевич Рвовский. Он жил и писал около 1699 году. Я нашел его сочинения в Синодальной библиотеке...; мы упомянем об нем в других примечаниях».

Чаще же Карамзин давал беглый обзор мнений историописателей, стараясь перечислить их в хронологическом порядке. Трудно не увидеть здесь стремления не просто к возможно более полному своду мнений, но и желания дать эти мнения в их последовательности, иными словами, дать представление читателю о том, как развивалась историческая наука в процессе изучения конкретного сюжета. Так, рассказывая о народах, населявших просторы России в позднеантичные времена и предшествовавших славянам, Карамзин приводил мнения античных авторов (Страбон, Плиний, Тацит и др.), затем ссылался на русских историков XVIII в.: «...все [сарматы] говорили одним языком: каким? не знаем, вопреки Татищеву, который беспрестанно толкует нам слова Сарматские, воображая, что сей язык и Финский есть одни. Миллер скромным образом заметил ошибку; но Русские Историки не послушались его, и Болтин также говорит о языке Сарматском, неизвестном никому в ученом свете». В этом же Примечании Карамзин дал косвенную оценку отзыва историка об историке: «Обширная Птолемея Сарматия, изображаемая на всех картах древнего мира, действительно существовала только, по выражению ученого Тунмана... в голове сего Александрийского Математика и Географа»²⁶. Вряд ли это суждение было отрефлексировано Карамзиным, но и здесь уже можно увидеть начала того, что в XX в. станет историей самой историографии.

²⁶ Карамзин. 1988. Кн. 1, т. 1. Примеч. 5, 20, 32, 91.

Особенно показательны примечания к тем страницам «Истории», где Карамзину приходилось разбирать остродискуссионные для XVIII – начала XIX в. проблемы, например, происхождения славян и руси, призвания варягов, крещения Руси и др. Не следует преувеличивать степень «историографичности» историографических наблюдений Карамзина: он не оставил сколько-нибудь объемных, пространных текстов по истории исторической науки, где были бы осмыслены ее проблемы и задачи. Однако текст и примечания «Истории государства Российского» в комплексе с другими произведениями Карамзина позволяют реконструировать не только его историографические знания, но и его оценки развития исторической науки в лице ее наиболее заметных представителей.

Упоминания великих историков древности и западноевропейских историописателей имеются в Предисловии к «Истории государства Российского». Анализ структуры начальных разделов, предшествующих собственно тексту «Истории», показывает, как Карамзин встраивал информацию по истории исторической науки в целое своего труда.

Структура «Истории государства Российского», начиная от посвящения императору и заканчивая генеалогическими схемами, соответствует структуре научного труда (в будущем – монографического труда, квалификационной работы), какой она, видимо, начнет складываться под воздействием именно «Истории» Карамзина. Элементы структуры текста «Истории» изначально имели функции сходные с функциями элементов структуры текстов монографических трудов и квалификационных работ, появившихся после выхода 12-го тома «Истории» (1829), т. е. окончания ее печатания. «Посвящение» императору (которое не имеет самостоятельного заглавия) выполняет функции Предисловия в монографиях новейшего времени, где автор благодарит тех, кто помог ему в осуществлении его замысла. «Предисловие» Карамзина включает характеристику заявленной проблемы: «История в некотором смысле есть священная книга народов...», к своеобразной проблематизации Карамзин не раз прибегал в «Предисловии»: «...сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей. <...> Мы одно любим, одного желаем: любим отечество...».

В «Предисловии» подробно рассуждалось об актуальности создания «Истории»: «Правители, законодатели действуют по указаниям Истории...», «Но и простой гражданин должен читать Историю», «Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума!». Здесь можно видеть, что актуальность для Карамзина уже дифференцирована. Историю важно создать с точки зрения самой ощущавшейся проблемы, т. е.

необходимости создания такого историописания, которое было бы востребовано всеми и ставило бы Россию и россиян в один ряд с просвещенными народами, поскольку этот народ «смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою...». Такое произведение будет повествовать о героях и событиях равноценных и равноважных героям и событиям античной и средневековой западноевропейской истории (но Карамзин не забывал при этом упоминать Азию, Африку и Америку).

Но еще более любопытно, что актуальность выстраивалась и через представление об источниках историописания как произведениях, равноценных тем, из которых историописатели античные и западноевропейские черпали сведения о прошлом в своих трудах. Для Карамзина это в первую очередь летописи: «народ с жадностию внимал сказаниям Летописцев», «Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее», «я не мог дополнять Летописи», «я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках...»

«Предисловие» содержало характеристику источников, использованных Карамзиным, причем здесь давалась их обобщенная характеристика с точки зрения их информационного и художественного потенциала: «Прилежно истощая материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения...».

Здесь же анализировалась историография историописания, вполне адекватная поставленной проблеме: Карамзин называл имена и произведения тех, кто известен своими обобщающими трудами по истории народов и государств: античные авторы, Робертсон, Юм, Мюллер.

Карамзин предложил свою периодизацию истории России и обосновывал ее, споря с Шлецером, подробно охарактеризовал свой метод, который состоял в том, чтобы максимально использовать имевшиеся в его распоряжении источники: «Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми...». Наконец, здесь вполне четко артикулирована цель всего труда: «Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место».

Раздел «Об источниках Российской истории до XVII века» впервые в историографии стал самостоятельным и выделенным структурно и даже графически (Карамзин успел внести правку во второе издание «Истории»). Кроме того, это единственное место в «Истории», где примечания следуют под строкой, а не разнесены в разные части издания.

Структура глав «Истории» также вполне устоялась и стала гармоничной и логично выстроенной к моменту появления наборной рукописи томов «Истории». За номером и названием главы следовало аббреже. Текст сопровождался номером примечания (арабская цифра в круглых скобках). На полях были своеобразные подзаголовки глав – «фонарики». Они, вероятно, становились затем основой для аббреже, но аббреже не совпадали с текстом «фонариков». В состав колонтитула второго издания «Истории» входила дата, показывающая, о событиях каких лет идет повествование в тексте.

Неоднократно обращалось внимание на то, что Примечания вынесены в конец текста и, по сути, составили еще двенадцать томов выписок из источников, уточнений датировок событий, действующих лиц и пр. Связь основного текста и Примечаний к нему пока плохо прояснена: можно лишь говорить о том, что события истории или наиболее важные (по мнению Карамзина) исторические источники излагались и характеризовались в основном тексте, а затем сопровождались объемными выдержками или практически полной публикацией источников в Примечаниях. В историографии установлено, что Примечания писались после того, как был готов основной текст тома. Обращение же к черновым рукописям показывает, что номер примечания – это последнее, что вписывалось Карамзиным в оставленные пустыми круглые скобки белой рукописи (после этого оставались еще «фонарики» и аббреже; трудно говорить о том, кто писал их). Примечаний в белой рукописи оказывалось меньше по количеству (но они были объемнее и часто содержали источниковедческие и историографические мини-исследования тех или иных источников), нежели ссылок на имевшиеся в руках Карамзина источники, которые он проставлял на полях черновых рукописей «Истории».

Карамзин правил не только корректурные листы, но и тома второго издания «Истории». Он вписал несколько новых примечаний или поправок на страницах томов второго издания. Кроме того, к томам прикладывался список замеченных опечаток, где поправки часто носили смысловой характер. Такие опечатки учтены с необходимыми оговорками, насколько мне известно, лишь при издании 6-го тома «Истории», выполненном в издательстве «Наука»²⁷.

Работы последних лет, посвященные анализу всей совокупности произведений Н.М. Карамзина, начиная от его первых переводов, с максимально полным использованием доступных источников, позволяют

²⁷ Там же. Т. 6. С. 346-353.

существенно расширить наши знания о взглядах историографа, политических пристрастиях, представлениях об исторической науке и приемах исследовательской работы. Существенное приращение нового знания дает историографическое исследование трудов Карамзина, особенно их структуры, текстологических особенностей, приемов историописания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1959. Ч. 1: До середины XIX в. 285 с.
- Астахов В.И.* Курс лекций по русской историографии (До конца XIX в.). Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1965. 584 с.
- Библиография русского летописания / сост. Р.П. Дмитриева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 354 с.
- Вспомогательные исторические дисциплины: учеб.-метод. модуль. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 419 с. (Я иду на занятия...).
- Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания : материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М.: РГГУ, 2008. 739 с.
- Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания : материалы XXI междунар. науч. конф. Москва, 29-31 янв. 2009 г. / редкол.: М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 2009. 375 с.
- История русской литературы: в 10 т. Т. 5: Литература первой половины XIX века, ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 438 с.
- Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 701 с. То же: 2000, 2004.
- Казаков Р.Б.* К.И. Арсеньев и Н.М. Карамзин: из истории отношений // Российские университеты XVIII-XX веков в системе исторической науки и исторического образования: материалы межвуз. конф. Воронеж, 1994. С. 24-27.
- Казаков Р.Б.* Заметки о формировании метода источниковедения в XVIII – первой четверти XIX в. // Точное гуманитарное знание : традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1999. С. 40-48.
- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* Конференция памяти О.М. Медушевской в Историко-архивном институте (31 января – 2 февраля 2008 г.) // Вестник РГГУ. М., 2009. № 4. С. 303-310.
- Казаков Р.Б.* Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX века: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский // Археографический ежегодник за 2000 год / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2001. С. 169-178.
- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1. С. 141-150.
- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // *Медушевская О.М.* Теория исторического познания: избр. произведения. СПб., 2010. С. 534-564.

- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики : Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М.: РГГУ, 2011. С. 9-36.
- Казаков Р.Б. Об особенностях текстологического изучения черновики «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Эдиционная практика и проблемы текстологии: докл. и сообщения Всерос. конф. 24-25 мая 1999 г. / вступ. Н.И. Басовская. М.: РГГУ, 2002. С. 54-64.
- Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Беркова и Г. Макогоненко. М.; Л.: Худож. лит., 1964. 2 т.
- Карамзин Н.М. История государства Российского: в 4 кн. / изд. подгот. под наблюд. Д.С. Лихачева и С.О. Шмидта. Репринт. М.: Книга, 1988-1989. 4 кн., 12 т.
- Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с. (Б-ка поэта).
- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман и др. Л.: Наука, 1984. 717 с.: ил. (Лит. памятники).
- Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–1803 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 198 с.
- Козлов В.П. Российская археология конца XVIII — первой четверти XIX века. М.: РГГУ, 1999. 415 с.
- Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1993. 207 с.
- Колесник И.И. Развитие историографической мысли в России XVIII – первой половины XIX века: учеб. пособие. Днепропетровск: ДГУ, 1990. 81 с.
- Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма: (эстет. и худож. искания). СПб.: Наука, 1994. 281 с.
- Кудрявцев И.А. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в русской историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1955. 20 с.
- Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 106-110.
- Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. С. 255-262.
- Лотман Ю.М. А.Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1951. 20 с.
- Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина (1789–1803) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1957. Вып. 51: Труды ист.-филол. фак. С. 122-162.
- Медушевская О.М. История источниковедения в XIX-XX вв.: учеб. пособие / отв. ред. Б.С. Илизаров. М.: МГИАИ, 1988. 71 с.
- Медушевская О.М. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в зарубежной архивистике: аналит. обзор. М., 1990. 40 с. (Обзорная инф. / ГЛАВАРХИВ СССР, ВНИИДАД, ОЦНТИ; № 47).
- Медушевская О.М. Источниковедение социалистических стран: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1985. 103 с.
- Медушевская О.М. Источниковедческое научно-педагогическое направление: гуманитарное знание как строго научное // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сб. / сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; отв. ред. В.А. Муравьев. М.: РГГУ, 2001. С. 8-32.

- Медушевская О.М.* Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты : тез. докл. и сообщений науч. конф. / редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др. М.: РГГУ, 1999. С. 15-23.
- Медушевская О.М.* Раздел 2: Становление и развитие источниковедения // Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 35-121. (То же: 2000, 2004).
- Медушевская О.М.* Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1979. 72 с.
- Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб.: М.В. Аверьянов, 1913. XII, 342 с.
- Миц С.С.* Взгляд на историю как точную науку. О.М. Медушевская о связи современного источниковедения с философским осмыслением роли истории в изучении человеческого сознания // Российская история. 2010. № 1. С. 137-139.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1 / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 692 с.
- Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. / отв. ред.: Г.П. Макогоненко, А.М. Панченко. Л.: Наука, 1981. 292 с. (XVIII век; Сб. 13).
- Рубинштейн Н.Л.* Русская историография: учеб. пособие. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941. 659 с.
- Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): учеб. пособие / сост. А.Е. Шикло; под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1990. 288 с.
- Соловьев С.М.* Собрание сочинений Сергея Михайловича Соловьева. СПб.: Общественная польза, 1901. 1620 с.
- Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 183 с.
- Федоров В.И.* Исторические повести Н.М. Карамзина: (к характеристике лит.-обществ. взглядов Н.М. Карамзина и его современников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПИ, 1955. 17 с.
- Kochetkova N.D.* Nikolay Karamzin / Natalya Kochetkova. Boston: Twayne Publ., 1975. 154 p. (Twayne's world authors ser.).

Казаков Роман Борисович – исследователь факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; rkazakov@hse.ru